

Лебедев А. П. Нравственный облик, церковно-общественная деятельность, нестроения и злополучия Константинопольской патриархии: (Во второй половине XV-го и XVI веке) // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 3. С. 374–403 (3-я пагин.). (Продолжение.)

Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроения и злополучія Константинопольской патриархіи ¹⁾. (Во второй половинѣ XV-го и XVI вѣкѣ).

Разсмотрѣніе церковно-общественной дѣятельности константинопольскихъ патриарховъ показало намъ, что эта дѣятельность не была ни разнообразна, ни блестяща. Богаче всего константинопольская патриархія изучаемыхъ вѣковъ была нестроениями, къ ознакомленію съ этимъ скорбнымъ листомъ греческой церковной исторіи теѣрь и переходимъ. Много безпорядковъ внесено было въ жизнь церковную слишкомъ частой смѣной патриарховъ: патриархи смѣняли одинъ другаго съ нежелательною быстротою. Но на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ; дѣло это и безъ того ясно для каждаго, кто просмотритъ тотъ списокъ патриарховъ, который нами приложенъ въ одномъ изъ предшествующихъ примѣчаній. Не станемъ мы говорить и о тѣхъ подкупахъ султана, при помощи которыхъ часто недостойныя лица, подбавляя плату за право патриаршествованія, восходили на достопочтенный патриаршій престоль. Повѣсть объ этихъ подкупахъ не разъ рассказана была и въ русской церковно-исторической литературѣ, и при томъ съ такою детальностію, которая быть можетъ и не совсѣмъ нужна. Если мы хотимъ вести рѣчь о нестроенияхъ въ исторіи патриархіи, то мы имѣемъ въ виду остановить свое вниманіе лишь на фактахъ этого рода—наиболѣе крупныхъ и потому наиболѣе характеричныхъ.

Прежде всего передадимъ рассказъ лѣтописца о томъ, при какихъ обстоятельствахъ положено начало несчастному обыкновенію платить деньги султану за право полученія патриаршей каѣдры. Это случилось менѣе, чѣмъ черезъ 15

¹⁾ Продолженіе. См. Январскую книжку.

лѣтъ послѣ паденія Константинополя, еще при Магометѣ II. Дѣло было такъ. Константинопольскою церковію правилъ Маркъ II Ксилокарависъ. Онъ былъ человѣкъ очень хорошій, но отличался строгостію къ подчиненнымъ ему клирикамъ; а это привело къ тому, что Маркъ сдѣлался нелюбимъ въ духовенствѣ. Неблагоположеніемъ клириковъ къ Марку воспользовались трапезундцы, т. е. Греки, большею частію насильственно переселенные изъ Трапезунда въ Константинополь; между этими трапезундцами были люди вліятельные у султана и имѣвшіе видныя мѣста въ управленіи государствомъ. Трапезундцамъ пришло на мысль—поставить въ патриархи своего соотечественника, іеромонаха Симеона; для достиженія цѣли, они стали подкупать столичныхъ клириковъ и всячески обольщать ихъ, внушая имъ, чтобы они разгласили молву, что будто Маркъ сдѣлался патриархомъ внесши тысячу золотыхъ въ казну султана. Недовольные патриархомъ клирики такъ и поступили. Клевета наконецъ достигла и до ушей самого патриарха. Онъ рѣшительно отвергала обвиненіе. Но когда этого оказалось мало—слухъ крѣпкъ и распространялся, тогда Маркъ въ присутствіи клириковъ далъ торжественную клятву на Евангеліи, доказывая, что обвиненіе, возводимое на него есть ложь. Но на враговъ его не подѣйствовала и эта сильная мѣра. При такихъ обстоятельствахъ, Трапезундцы послали тысячу золотыхъ Магомету II со словами: „Маркъ вручилъ тебѣ 1000 золотыхъ при вступленіи на патриаршество, столько же посылаемъ и мы тебѣ и просимъ дозволить избрать въ патриархи одного нашего монаха“. Султанъ былъ удивленъ этимъ поступкомъ. До сихъ поръ ни одинъ патриархъ, не исключая и Марка не давали султану денегъ за право быть на Константинопольской кафедрѣ. Долго онъ думалъ о глупости Ромеевъ. Всѣ прежніе патриархи, напротивъ отъ него, султана, получали дары при возведеніи на кафедру. Наконецъ по долгомъ размысленіи, онъ взялъ деньги и сказалъ, вопреки истинѣ, что будто бы дѣйствительно Маркъ вручилъ ему тысячу золотыхъ и далъ приказаніе, чтобы избранъ былъ новый патриархъ, какого только пожелаетъ народъ ¹⁾. Раз-

¹⁾ Hist. Patr. p. 101—104. До (Іерооѣй (423), Кигала (438), Мелетій (331)—по Historia, съ тѣмъ различіемъ, что первый изъ нихъ съ особенною извѣстностію при этомъ случаѣ говоритъ о клирикахъ константинопольскихъ.

сказъ этотъ, не смотря на его гармоничность, намъ представляется не во всемъ вѣроятнымъ. Уже одно то, что онъ поставляетъ султана въ какое то глупое положеніе—признать себя взяточникомъ, чѣмъ онъ на дѣлѣ не былъ—возбуждаетъ подозрѣнія. Но мы не намѣрены входить въ подробную критику разсказа. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что по какому то поводу въ правленіе патріарха Марка положено начало платы султану за право избранія въ патріархи, или начало такъ называемаго пескезія. Ясно также и то, что само константинопольское духовенство является главнымъ виновникомъ этого несчастія. Не самъ султанъ ввелъ пескезію, а пришелъ къ мысли брать таковой, благодаря константинопольскимъ клирикамъ. Не особенно тяжелый въ началѣ, онъ, какъ извѣстно, въ послѣдствіи возросъ до очень крупной и обременительной суммы денегъ. Есть извѣстіе, что оклеветанный патріархъ Маркъ потомъ оправдался на соборѣ въ возведенномъ на него обвиненіи и получилъ въ управленіе архіепископію въ Ахридѣ, (въ Сербіи) ¹⁾. Въ послѣдствіи весьма часто встрѣчаются въ исторіи указанія, что тотъ или другой Константинопольскій патріархъ, по лишеніи патріаршей кафедрой, получили въ завѣдываніе извѣстную архіерейскую кафедру. Это не значитъ однакожь, что они изъ патріарховъ дѣлались провинціальными архіереями. Управляли подобными епархіями отставные патріархи лишь номинально. Съ нихъ они получали доходъ, на который они и жили, оставаясь большею частію въ Константинополѣ, — доходъ этотъ замѣнялъ для нихъ пенсію, которой конечно Турки тогда не платили греческимъ патріархамъ. Само собою понятно, что номинальное управленіе часто отдаленными отъ Константинополя епархіями отражалось вредными послѣдствіями для этихъ послѣднихъ. Въ дѣйствительности правленіе такими епархіями находилось въ рукахъ намѣстниковъ, большею частію въ санѣ архимандрита. Отставные же патріархи, получившіе въ управленіе епархію, носили названіе: „проэдрось“ (экспатріархъ) ²⁾.

Поднесеніе султану тысячи золотыхъ за право избрать

¹⁾ Hist. Patr. p. 105. 107.

²⁾ Ricaut, Hist. de l'église grecque, p. 112.

трапезундца Симеона, несомнѣнно повело къ тому, что избраніе его въ патриархи могло быть лишь формальнымъ. Архіереи, желая или не желая, поставляли патриархомъ того, кого имъ указывали. Но этимъ на этотъ разъ не кончился безпорядокъ. Низверженіе Марка съ кафедрѣ послужило къ образованію въ Константинополѣ партіи, которая желала по прежнему имѣть его патриархомъ; напротивъ приверженцы Симеона—изъ числа грековъ константинопольскихъ, вѣроятно клирики, выражали явную вражду къ вышеупомянутому злопелучному патриарху, они проклинали его, какъ вводителя худыхъ примѣровъ въ церкви (подкупъ султана) и не давали ему прохода по улицамъ, бросая въ него камнями. Въ виду такихъ раздоровъ появляется новый кандидатъ въ патриархи, который и садится на патриаршую кафедру. Дѣло происходило такъ. Мачиха султана (Магомета II) Марія, будучи христіанкой, рѣшилась доставить патриаршій санъ своему духовнику, митрополиту филиппопольскому Діонисію. Она поднесла на блюдѣ султану 2000 золотыхъ—и султанъ далъ позволеніе низложить Симеона и возвести въ патриархи Діонисія. Такъ и было. Соборное избраніе патриарха являлось и на этотъ разъ лишь неизбежною формальностію. Но и Діонисій I не долго усидѣлъ на кафедрѣ. Въ его предшествующей жизни были нѣкоторыя обстоятельства, которыя дали поводъ возводить на него одну клевету, вслѣдствіе которой патриархъ и долженъ былъ покинуть свой престолъ. Въ то время, когда Магометъ II взялъ Константинополь, въ числѣ другихъ плѣнныхъ проданныхъ въ рабство, оказался и Діонисій, бывший тогда іеромонахомъ; но вскорѣ, благодаря сострадательности одного адрианопольскаго жителя онъ былъ освобожденъ изъ плѣна и поставленъ Геннадіемъ въ митрополиты Филиппополя. Этотъ то фактъ, что нѣкогда Діонисій былъ въ плѣну у Турокъ и послужилъ основаніемъ клеветы. Когда Діонисій сталъ патриархомъ, нашлись въ Константинополѣ клирики, вѣроятно изъ партіи Марка или Симеона, которые распространили слухъ, что патриархъ, находясь въ плѣну, былъ обрѣзанъ мусульманами; распространяя этотъ слухъ, они выступили и формальными обвинителями патриарха по этому дѣлу. Собрался большой соборъ, на которомъ присутствовали архіереи и клирики и участвовали архонты и пред-

ставители отъ народа. Выслушано было показаніе обвинителей. Но патріархъ съ полною очевидностію опровергъ обвиненіе. Обвинители были посрамлены и бросились въ ноги Діонисію, умоляя его простить ихъ грѣхъ. Но разгнѣванный патріархъ ни на что уже не обращалъ вниманія. Онъ сбросилъ съ себя омофоръ и епитрахиль и написалъ отреченіе отъ каѳедры, не смотря на просьбу собора—не покидать управленія церковію ¹⁾. Впрочемъ Діонисій потомъ еще разъ былъ призванъ къ управленію патріархіей, причѣмъ время его патріаршества протекло въ мирѣ и тишинѣ ²⁾.

Нестроенія въ патріархіи отъ XV вѣка наслѣдуетъ и вѣкъ XVI. Въ этомъ вѣкѣ такихъ нестроений происходитъ даже много больше, чѣмъ какъ это было раньше. Въ началѣ этого вѣка правилъ церковію, по соборному избранію, Пахомій I, занимавшій предъ этимъ каѳедру Зихнонскую въ Македоніи. Не долго усидѣлъ на патріаршествѣ новый патріархъ—по однимъ—два года, по другимъ—меньше года. Пахомій, несмотря на свои достоинства, былъ низверженъ, и низверженъ по проiscaмъ константинопольскаго духовенства. Въ средѣ этого духовенства имѣлась партія, которая была почему то привязана къ прежнему патріарху Іоакиму и желала возвращенія его на каѳедру. Но достигнуть этого она могла только путемъ незаконнымъ. Къ этому времени патріархи, кромѣ нескезія, уже стали платить султану и значительный ежегодный хараджъ—суммой въ 3000 золотыхъ. Клирики, желавшіе видѣть у кормила церковнаго опять Іоакима, сдѣлали такъ: они заявили султану, что если будетъ патріархомъ Іоакимъ, то онъ станетъ ежегодно платить на 500 золотыхъ больше теперешняго. Встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что и самъ Іоакимъ участвовалъ въ этихъ продѣлкахъ и даже ссудилъ клириковъ деньгами, которыя нужно было напередъ внести въ султанскую казну. Послѣдствіемъ указанной интриги было то, что Пахомій, къ прискорбію для людей, желавшихъ блага церкви, лишился каѳедры ³⁾. Черезъ годъ впрочемъ Пахомій снова занялъ константинопольскую каѳедру и на этотъ разъ правилъ церковію довольно долго. Много споровъ у этого патріарха происходило съ митрополитомъ мо-

¹⁾ Hist. Patr. p. 106. 108—110.

²⁾ Ibid. 132—133. Γεδεών, σελ. 490.

³⁾ Hist. Patr. 139—140. Γεδεών, 496.

невасійскимъ Арсеніемъ Апостолиемъ, который незаконно занялъ кафедру и не хотѣлъ подчиняться рѣшеніямъ патріарха константинопольскаго; но дѣло это хотя и можетъ служить новымъ показателемъ существованія непорядковъ въ церкви, тѣмъ не менѣе оно лишено большого церковно-историческаго значенія ¹⁾).

Правленіе Іереміи I церковію тоже не обошлось безъ значительныхъ волненій и безпорядковъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Іеремія задумалъ совершить паломничество во св. землю и поклониться св. гробу. По дорогѣ онъ захватилъ на о. Кипрѣ, вѣроятно съ цѣлью сдѣлать какія либо распоряженія относительно церковныхъ имуществъ, находившихся на этомъ островѣ. Патріархъ путешествовалъ не одинъ, а съ значительною свитою. Но въ средѣ его свиты, во время пребыванія патріарха на Кипрѣ, произошло какое то раздѣленіе; часть клириковъ, сопутствовавшихъ патріарху, покинула его и вернулась въ Константинополь. Возвратившись въ столицу, эти клирики какимъ то способомъ успѣли созвать соборъ изъ архіереевъ и представителей націи; что-то наговорили на Іеремію и патріархъ объявленъ лишеннымъ кафедры. Все это дѣло какъ то не ясно. Но результатъ соборнаго дѣянія несомнителенъ. вмѣсто Іереміи избранъ былъ патріархомъ нѣкто Іоанникій I, бывшій до этого времени митрополитомъ созопольскимъ. Трудно уяснить, какая причина побудила соборъ такъ несправедливо поступить съ Іереміей. Правиль онъ церковію, кажется, хорошо, хотя дѣлами завѣдывалъ не столько самъ, сколько нѣкоторые изъ преданныхъ ему клириковъ, и во главѣ ихъ великій риторъ Мануиль. Не было-ли недовольства на Іеремію за то, что онъ давалъ много власти клирикамъ и Мануилу? ²⁾ О событіи Іеремія узналъ, находясь еще въ

¹⁾ Дѣло объ Арсеніи въ первоначальной редакціи Дамаскина Студита помѣщено не было, какъ свидѣтельствуеъ Сата (см. „Обзоръ источниковъ“); рассказъ о немъ прибавленъ Малаксомъ, и нужно сказать рассказъ этотъ ведется у автора безпорядочно и не ясно (Hist. Patr. 141—149). Яснѣе исторія Арсенія изложена у Legrand: Bibliographie Hellénique. Tome I, p. CXXXV и далѣе.

²⁾ Въ источникѣ упоминается, какъ о причинѣ визложенія то, что Іеремія вопреки кононамъ, пробылъ въ отсутствіи болѣе шести мѣсяцевъ (Іерофей), но это поводъ или предлогъ, а не причина.

Иерусалимѣ. Здѣсь онъ поступилъ такъ: такъ какъ въ городѣ въ это время, кромѣ самого Иереміи случились и всѣ прочіе патріархи Востока—Александрійскій, Антиохійскій и конечно Иерусалимскій, то они отслужили торжественную литургію и за литургіей подвергли отлученію какъ Іоаннікія, незаконно возсѣвшаго на константинопольскій престолъ, такъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали ему достигнуть этой цѣли. Между тѣмъ въ Константинополь происходили жалкія дѣла. Множество народа не признавало Іоаннікія патріархомъ, оскорбляло его, анаеematствовало; той же участи подверглись и его приверженцы. Іоаннікій одинъ не терялъ присутствія духа. Не находя себѣ сочувствія въ клирикахъ, вѣроятно потому, что Иеремія давалъ большія права имъ въ дѣлѣ управленія, новый патріархъ постарался рукоположить какъ можно больше новыхъ архіереевъ—и въ борьбѣ съ непокорными хотѣлъ опираться на эту рать. Но вотъ вернулся Иеремія въ Константинополь. Не вдругъ онъ собрался возвратиться въ городъ, гдѣ онъ очевидно не совсѣмъ разсчитывалъ встрѣтить вполне благоприятныя для себя обстоятельства. Прошло уже больше года, какъ Іоаннікій занялъ кафедру. Возвращеніе Иереміи было триумфомъ для него. Въ особенности участливо и радостно встрѣтили его жители Галаты, гдѣ онъ и поселился на первое время при храмѣ, называвшемся Хрисопиги. Многочисленная толпа христіанъ собралась вокругъ своего архипастыря. Узналъ о происшествіи и великій визирь (паша) или даже самъ султанъ. А христіане, недовольствуясь выраженіемъ своей радости по случаю прибытія Иереміи, рѣшились во что бы то ни стало посадить снова этого послѣдняго на патріаршій престолъ. Они пошли ко дворцу султана и заявляли: „не хотимъ имѣть патріархомъ Іоаннікія, а желаемъ видѣть на патріаршемъ престолѣ Иеремію“. Правительство уступило волѣ народной, разумѣется не упустивъ случая взять приличную взятку съ просителей. Такъ снова водворился Иеремія на патріаршей Константинопольской кафедрѣ. Что же касается до Іоаннікія, то „поносимый, озлобляемый и анаеematствуемый народомъ, онъ былъ изгнанъ изъ города“. Утвердившись на патріаршемъ мѣстѣ, Иеремія очень долго правилъ церковію (впрочемъ едва-ли 23 года, какъ утверждаетъ въ одномъ источникѣ). Всѣ

епископы Константинопольскаго патриархата, за исключеніемъ одного, въ концѣ концовъ оказались его личными ставленниками, а это—замѣчательно рѣдкій случай въ исторіи греческой церкви новѣйшихъ временъ. Жаль только, что будучи любителемъ строить монастыри, Іеремія часто нуждался въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ прибѣгалъ къ непохвальному средству—симоніи. „Онъ бралъ подарки съ архіереевъ, открылъ широко двери для симоніи въ турецкія времена“, если повѣримъ Іероою Монеувасійскому который, какъ увидимъ впоследствии, слишкомъ любилъ черныя краски при изображеніи описываемыхъ имъ историческихъ личностей ¹⁾.

Значительныя нестроенія ознаменовываютъ правленіе преемника Іереміана Діонисія II, родомъ изъ константинопольской Галаты. Выше мы сказали, что по смерти Іереміи I въ Константинополь происходилъ соборъ подъ предсѣдательствомъ Германа патриарха іерусалимскаго, на которомъ опредѣлено было, чтобы избраніе новаго патриарха каждый разъ происходило послѣ того, какъ соберутся въ столицу архіереи патриархата, которымъ положено было давать своевременно извѣстія о готовящемся событіи. Но что-же случилось? Прежде чѣмъ, сообразно съ этимъ опредѣленіемъ, собрались архіереи для выбора новаго пастыреначальника столицы, народомъ и нѣкоторыми архіереями случайно пребывавшими въ Константинополь, провозглашенъ былъ патриархомъ Діонисій, митрополитъ Никоидійскій. По смерти Іереміи, ради какихъ то другихъ разсужденій, клирики, архонты и наиболѣе видные представители изъ народа, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ архіереевъ, собрались въ патриархіи. Между прочимъ при этомъ зашла рѣчь и о новомъ патриархѣ. Присутствующіе не долго думая и провозгласили патриархомъ Діонисія. Такъ какъ Діонисій II патриаршествовалъ двукратно, то остается нерѣшеннымъ вопросъ: былъ-ли онъ при этомъ случаѣ избранъ въ первый разъ (Дамаскинъ) или во второй разъ (Гедеонъ). Главариами указаннаго собранія были жители Галаты и преимущественно люди богатые и вліятельные между

¹⁾ Hist. Patriarch. 153—155. 157. 171. *Δωροθέου, σελ. 444—5 (Σάθα. Πατριρχια, σελ. 3—4), Γεδέων, 501—503.*

ними. Въ существѣ дѣла, выборъ происходилъ неправильно. Но тѣмъ не менѣе Діонисій и не думалъ отказываться отъ предложенной ему чести. Выборъ этотъ не обошелся безъ сильной и шумной оппозиціи. Какъ скоро узнали о событіи тѣ изъ представителей христіанскихъ общинъ въ Константинополь, которые раньше ратовали за вышеуказанное преобразование патріаршаго избранія; они тотчасъ же собрали здѣсь соборъ, на который повидимому сошлись тѣ же лица, которые участвовали въ выборѣ Діонисія. Инициаторы собора люди мірскаго званія, обратились съ жестокими упреками къ архіереямъ, какъ нарушителямъ опредѣленія, составленнаго при Германѣ. Архіереи въ отвѣтъ сказали, что отъ опредѣленія этого они не отказываются, но что народъ (жители Галаты) совершилъ надъ ними насиліе, что будто ихъ противъ ихъ воли привлекли на собраніе, гдѣ произошелъ выборъ Діонисія, тащили ихъ при этомъ и за руки и за ноги, и за поясъ. Мало того: архіереи жаловались, что будто народъ, приведя ихъ въ собраніе, побросалъ на землю ихъ камилавки и не выпускалъ ихъ изъ церкви, гдѣ происходило собраніе, до тѣхъ поръ, пока они не согласились провозгласить Діонисія патріархомъ; они говорили, что народъ даже прибѣгалъ къ угрозамъ, восклицая: „или дайте намъ въ патріархи Діонисія, или же мы васъ убьемъ“. Защитники соборнаго опредѣленія при Германѣ не хотѣли однако оставить дѣло безъ послѣдствій. Они нашли доступъ къ великому визирю Рустемъ-Папѣ, который принялъ ихъ сторону. Тогда партія Діонисія рѣшилась обратиться къ содѣйствию самого султана. Подано было во время одной прогулки султана по Константинополю прошеніе, въ которомъ просители заступались за патріарха. Султанъ взялъ сторону этихъ просителей, и сдѣлавъ выговоръ великому визирю, наконецъ сказалъ: „пусть будетъ воля моего народа“. Послѣ этого Діонисій утвердился на патріаршей каѳедрѣ ¹⁾. Какъ начало патріаршества Діонисія, такъ и продолженіе его тоже не обошлось безъ нестроений. Случилось, что одинъ изъ близкихъ къ нему митрополитовъ, Митрофанъ Кесарійскій (впослѣдствіи самъ патріархъ) убѣдилъ Діонисія, чтобы этотъ послѣдній пос-

¹⁾ Hist. Patriarch. p. 173—177. Γεδεών, 500.

лалъ его къ папѣ ради испрошенія милостыни на нужды патриархіи (или по какой другой причинѣ). Патриархъ согласился. Путешествіе Митрофана состоялось и имѣло успѣшный результатъ. Но какъ скоро объ этомъ узнали греческіе хрістіане въ Константинополѣ, поднялся говоръ противъ патриарха. Діонисій, уступая народному волненію, отлучилъ отъ церкви Митрофана, но въ тоже время поддержалъ связи съ отлученнымъ. Поэтому волненіе все больше и больше росло. Противъ патриарха выступилъ ученый константинопольскій великій риторъ Теофанъ, который слылъ за человѣка святаго; его сторону приняли архонты. Нестроеніямъ не предвидѣлось и конца. Тогда патриархъ сдѣлалъ одинъ шагъ поистинѣ изумительный и странный. Онъ на соборѣ приказалъ прочитатъ его собственноручную грамоту, въ которой онъ подвергалъ отлученію каждаго, кто будетъ поминать его за богослуженіемъ какъ патриарха, при чемъ объявлялъ и себя отлученнымъ. Но вышеуказанный Теофанъ не унимался, продолжая борьбу съ патриархомъ. Между архіереями вышло также раздѣленіе: одни поминали имя патриарха, а другіе не поминали, согласно его сейчасъ названной грамотѣ. Выходилъ какой то хаосъ. Но затѣмъ вскорѣ послѣдовало умиротвореніе церкви. Произошло покушеніе на жизнь патриарха. Это обстоятельство охлаждающимъ образомъ подѣйствовало на разгоряченныя головы оппонентовъ. Новый соборъ архіереевъ пожелалъ полного примиренія съ патриархомъ, а Теофану приказалъ хранить молчаніе. Недовольный этимъ распоряженіемъ великій риторъ, покинулъ столицу и умеръ въ Верриі¹⁾. Правленіе Діонисія II было довольно продолжительно, обнимало около десяти лѣтъ.

Конецъ XVI вѣка прошелъ тоже среди нестроений,—разумѣемъ патриаршества: Митрофана III, Пахомія II, Теолипта II и Гереміи II²⁾.

¹⁾ *Λογοθέου, σελ. 446—447 (Σάθα. Παράκλησις, 5—7)*

²⁾ Главнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній для разъясненія нестроений изъ времени сейчасъ перечисленныхъ патриарховъ служитъ Героеей монемвасійскій. Къ сожалѣнію, источникъ этотъ очень ненадеженъ, тенденціозенъ и безмѣрно пессимистиченъ. Не смотря на то, что Героеей описываетъ это время, какъ современникъ, очевидецъ и даже участникъ событий (сел. 445—454. *Παράκλησις, σελ. 5—17*), мы на самомъ дѣлѣ очень не мно-

Однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ нестроений Константинопольской патріархіи разсматриваемаго времени былъ Михаилъ Кантакузинъ, богатый Грекъ, купецъ и откупщикъ, благодаря своему богатству и ловкости приобрѣтшій

гимъ можемъ воспользоваться изъ его показаній. Охарактеризуемъ Героея, какъ писателя, описывавшаго свое время—и мы увидимъ, что наше недоверіе покоится на серьезныхъ основаніяхъ. Почти о всѣхъ лицахъ, о которыхъ онъ говоритъ, какъ очевидецъ, авторъ отзывается съ самой невыгодной стороны, часто огульно и безъ малѣйшихъ подтвержденій фактами. Константинопольскихъ клириковъ онъ называетъ „богопродавцами“ и „демонскими сосудами“—и это всѣхъ заразъ. Самихъ архіереевъ чествуетъ именемъ „сущихъ демоновъ“, а отдѣльныхъ лицъ между ними саркастически обзываетъ „жирными быками“. Одного изъ архіереевъ, по словамъ Героея, всѣ Греки „признавали за діавола“. Вообще слова: демонъ, діаволь—не сходятъ у него съ устъ. Можно-ли отъ такого писателя ожидать безпристрастія? Многія извѣстія и отзывы Героея почти о всѣхъ патріархахъ его времени не заслуживаютъ ни довѣрія, ни вниманія историка. Вотъ наприм. какія „небылицы въ лицахъ“ рассказываетъ писатель о патріархѣ Митрофанѣ. Сообщивъ нѣкоторые свѣдѣнія о родителяхъ этого патріарха, свѣдѣнія, которыя должны были набрасывать тѣнь на нравственную репутацію этихъ людей, Героею о самомъ Митрофанѣ говоритъ слѣдующее: сдѣлавшись монахомъ въ Константинополѣ, онъ началъ домогаться, чтобы Іеремія II посвятилъ его во діаконы. Но Патріархъ не хотѣлъ сдѣлать его даже и иподіакономъ, такъ какъ о Митрофанѣ въ обществѣ рассказывалось много худаго. Тогда Митрофанъ отправился на Аѳоны въ Лавру, и здѣсь вотъ что послѣдовало: отцы вывели его вонъ и посветили его, при посредствѣ одного монаха сначала въ іеродіакона, а потомъ и іеромонаха; это произошло по словамъ повѣствователя „неожиданно и вопреки канонамъ“. Вѣроятно-ли это аѳонское приключеніе? Отвѣтъ отрицательный ждать себя не заставляетъ. Если примемъ слова Героея буквально, то посвященіе Митрофана въ обѣ іерархическія степени произошло при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ можетъ быть никогда еще не происходило ничего подобнаго. Сказка однакъ на этомъ не оканчивается. Получивъ степень іеромонаха, Митрофанъ, по разсказу Героея, вернулся въ Константинополь и здѣсь сталъ домогаться, чтобы ему дали въ управленіе подгородную приходскую церковь во имя Св. Пятницы (откуда онъ и былъ родомъ). Для достиженія своей цѣли, онъ при содѣйствіи своего отца заставилъ Турокъ (sic!) обратиться съ ходатайствомъ къ Іереміи, чтобы этотъ патріархъ далъ Митрофану вышеупомянутое мѣсто. Естественно слѣдовало бы думать, что патріархъ не уважить просьбы какихъ-то Турокъ, но по разсказу Героея дѣло кончилось не такъ: Іеремія уважилъ просьбу нехристей и хотъ противъ собственнаго желанія назначилъ Митрофана священникомъ къ Пятницкой церкви. Только Іеремія принялъ слѣдующую предосторожность: онъ отлучилъ (?) Митрофана, такъ чтобы никто не могъ имѣть съ нимъ общенія (II). „Итакъ,—прибавляетъ баснописецъ—многіе годы Митрофанъ держался уединенно, избѣгая общенія, пока не умеръ Іеремія“. И однако выше

большое вліяніе въ Порта и довольно долгое время распоряжавшійся въ патриархіи какъ настоящій хозяинъ. На общественное значеніе Михаила Кантакузина нами было указано раньше. Поэтому въ настоящемъ случаѣ сдѣлаемъ

авторъ говорилъ, что Митрофанъ литургисалъ. Читая сказаніе Героея о Митрофанѣ, невольно припоминаешь изреченіе: не любо не слушай. Этого-то самый Митрофанъ въ послѣдствіи былъ патриархомъ. Описывая же патриаршествованіе Митрофана, Героеей между прочимъ говоритъ, что патриархія, т. е. монастырь Всеблаженной, при немъ совсѣмъ запустѣлъ, такъ что въ немъ человѣку нельзя было найти и крошки для ѣды. Ничему такому мы совершенно не вѣримъ. Столь же много невѣроятнаго и невозможнаго рассказываетъ Героеей и о другомъ современномъ ему патриархѣ, Θεολιπτῆ II. Θεολιπτῆ былъ племянникомъ Митрофана и очутился сиротой. Тогда дядя—патриархъ посвятилъ его на первый день въ діаконы, во второй день во священники, и наконецъ (на третій день?) сдѣлалъ его архіереемъ филиппопольскимъ. Послѣднѣе невѣроятна, потому что она ничѣмъ не вызвана. А вотъ повѣсть Героеей о томъ, какъ Θεολιπτῆ сдѣлался патриархомъ. Была ночь. Собрались Θεολιπτῆ въ Константинополь толпу какихъ то мірянъ, одѣлъ ихъ въ монашескія и священническія одежды и сказалъ имъ: вотъ вы теперь стали митрополитами (!), и повелъ эту орду къ султану. Затѣмъ онъ говорилъ султану: пришли всѣ священники Галаты и Стамбула, а съ ними и митрополиты и хотятъ, чтобы патриархомъ былъ сдѣланъ митрополитъ филиппопольскій (т. е. самъ Θεολιπτῆ), при этомъ конечно вручена была почтенная сумма для владыки мусульманской имперіи. И вотъ Θεολιπτῆ патриархъ. Такія приключенія, какъ мы не сомнѣваемся—возможны только на подмосткахъ театра въ какой нибудь комедіи. О третьемъ патриархѣ, своемъ современникѣ же, Παχομίου II тотъ же Героеей рассказываетъ слѣдующее. Иеромонахъ по имени Παχομίου, при содѣйствіи Турокъ, захотѣлъ стать архіереемъ Терновскимъ, но послѣдовала неудача. Мало того: Ιερεμίας, тогдашній патриархъ изгналъ его изъ Кесаріи. Читатель совершенно не пойметъ, какая связь между этими фактами; но это и не удивительно: въ этихъ словахъ Героеей біографія Παχομίου, неизвѣстно для какой цѣли—извращена до послѣдней возможности. Объ этомъ же Παχομίου Героеей утверждаетъ, что онъ былъ человѣкъ совсѣмъ неграмотный и въ доказательство приводитъ сужденіе Турокъ, которые будто бы убѣдились, что патриархъ (въ это время Παχομίου былъ патриархомъ) не умѣетъ читать сочиненій Όμυ Ακκινάτα (!). Вообще ту часть исторіи Героеей, какую мы теперь анализируемъ, правильнѣе было бы назвать не историческимъ повѣствованіемъ, а каррикатурой на патриархію конца XVI вѣка и при томъ каррикатурой очень аляповатой. Повидимому, Героеей выдѣляетъ изъ числа другихъ патриарховъ своего времени—Ιερεμίου II и считаетъ его достойнымъ лицомъ; но и тутъ нельзя не замѣчать замашки автора чернить константинопольскихъ іерарховъ. Объ Ιερεμίου онъ говоритъ, что онъ не былъ человѣкомъ навывшемъ въ монашескомъ дѣланіи, а это конечно не похвала въ устахъ Героеей; далѣе онъ даетъ знать, что Ιερεμίας противъ своей совѣсти и правилъ церковныхъ далъ Митрофану священническое мѣсто и т. д.

лишь нѣсколько замѣчаній объ его отношеніи къ занимающему насъ вопросу касательно патріархіи конца XVI вѣка. Извѣстный Герлахъ, какъ очевидецъ, описавшій время Кантакузина, слѣдующимъ образомъ говоритъ объ этомъ временщикѣ—Грекѣ: „паша (великій визирь) и Кантакузинъ суть патріархи и поглощаютъ церковныя имущества“¹⁾. Кантакузинъ обиралъ патріарховъ, пользуясь своею властію и могуществомъ въ Портѣ, такъ съ одного патріарха въ теченіи восьми лѣтъ онъ вытребовалъ 16 тысячъ дукатовъ²⁾. Поставленіе въ архіереи составляло также видную статью доходовъ Кантакузина. Объ этомъ Герлахъ такъ говоритъ: „Кантакузинъ во всемъ былъ господинъ и управлялъ и рас-

Вообще и Іеремія не особенно свѣтелъ (Граносъ) выходитъ изъ подъ пера митрополита монемвасійскаго. Собственно единственное лице, заслуживающее всякой похвалы—по разумѣнію нашего автора—это самъ онъ. Въ своемъ историческомъ трудѣ, описывая разсматриваемыя нами времена, Іероою безъ малѣйшей церемоніи называетъ себя человѣкомъ „весьма хорошимъ, ученымъ и просвѣщеннымъ“. Удивительный писатель! Дальше, онъ многократно указываетъ: что ни скажетъ самъ онъ при какомъ нибудь случаѣ, являясь дѣйствующимъ лицомъ, или что ни сдѣлаетъ — все это было чрезвычайно умно, кстатя, дѣльно и такимъ признаваемо было другими. Главная фигура разбираемой части исторіи Іероою—безъ сомнѣвія самъ Іероою. Вотъ каковъ историкъ Іероою монемвасійскій. При такихъ особенностяхъ разсматриваемой части труда этого писателя нужна великая осторожность, чтобы не далъ намъ Іероою вмѣсто хлѣба камень. Самымъ благоразумнымъ дѣломъ было бы и вовсе не пользоваться Іерооюемъ при изученіи вышеуказанныхъ четырехъ патріарховъ; но бѣда въ томъ, что о многомъ изъ этой эпохи митрополитъ монемвасійскій—единственный источникъ, а потому игнорировать его невозможно. Сдѣлать ли мы воспользоваться Іерооюемъ, избѣжавъ допускаемой имъ фальши и преувеличеній—рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить другимъ. Наша забота главнымъ образомъ будетъ обращена на то, чтобы какъ можно поменьше одолжаться Іерооюю. (Воспользуемся случаемъ сдѣлать здѣсь слѣдующее замѣчаніе. Ученый Сата, доказывая принадлежность разсматриваемой нами „Исторіи Дороею“ Іерооюю (см. „Обзоръ источниковъ“) выпустилъ изъ вниманія одно мѣсто въ этомъ трудѣ, окончательно рѣшающее вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ рѣшаетъ его Сата. Авторъ „исторіи“ разъ говоритъ, что Іерооюю монемвасійскаго и Θεολита филиппопольскаго обвинили въ преступленіи „противъ султанскаго величества“, и описывая затѣмъ судебный процессъ, онъ же выражается такъ: „*ми же (ἡμεῖς)* сказали“ по поводу указаннаго обвиненія, — выражается очевидно, отождествляя себя съ Іерооююемъ (σελ. 451. Παράρτ., 13). Сата почему то не пользуется этимъ сильнымъ аргументомъ.)

¹⁾ Gerlach. Tagebuch., s. 271.

²⁾ Ibidem. s. 247.

поряжался по своей волѣ и расположенію; патриархъ же ни въ чемъ не могъ ему противорѣчить, потому что временщикъ былъ близкимъ другомъ паши и раздѣлялъ съ нимъ цѣну крови. Никто не могъ быть поставленъ въ митрополиты, если не давалъ ему 600 дукатовъ. Если кандидатъ въ архіереи самъ не имѣлъ денегъ, то онъ долженъ былъ сдѣлать займъ и расплатиться впоследствии“. Одинъ изъ современныхъ грековъ говорилъ Герлаху, что за свое безмѣрное корыстолюбіе Кантакузинъ „заслуживаетъ веревки и огня“¹⁾.

По волѣ и инициативѣ Кантакузина поставленъ былъ въ патриархи Митрофанъ III. Этотъ послѣдній имѣлъ нѣкоторыя достоинства, былъ образованъ и умѣлъ спискивать себѣ расположеніе; но все же поставленіе его на константинопольскую кафедру произошло не по волѣ самой церкви, а потому не могло давать добрыхъ плодовъ. Безъ содѣйствія Кантакузина, едва-ли Митрофанъ и могъ когда либо занять патриаршую кафедру. Будучи кесарійскимъ митрополитомъ, Митрофанъ, какъ было уже упомянуто раньше, путешествовалъ для чего то въ Римъ, къ папѣ и держалъ себя въ отношеніи къ папѣ очень соблазнительно: цѣловалъ его ногу, служилъ съ нимъ мессу и пользовался его гостепріимствомъ. Это обстоятельство было весьма непріязненно принято въ Греціи. Когда Митрофанъ возвращался изъ Рима, то ни въ одномъ греческомъ монастырѣ не хотѣли принимать его и давать ему убѣжище; на него смотрѣли какъ на сатану. Самъ патриархъ Діонисій долженъ былъ наложить на него отлученіе. И однако, при всемъ томъ Митрофанъ дѣлается патриархомъ. Нѣтъ сомнѣнія, поставленіе Митрофана въ патриархи, по протекціи Кантакузина, было дѣломъ, нежелательнымъ для греческой церкви. Оно выгодно было главнымъ образомъ для самого Кантакузина. Этотъ послѣдній перебралъ съ Митрофана во время его патриаршества почтенную сумму денегъ: въ этихъ видахъ онъ и сдѣланъ патриархомъ. Для того, чтобы удовлетворить корыстолюбію Кантакузина, патриархъ конечно и самъ долженъ былъ сдѣлаться корыстолюбцемъ. Мало того: онъ долженъ былъ сквозь пальцы смотрѣть и на тотъ же по-

¹⁾ Gerlach. Tagebuch. s. 267.

рокъ въ прочихъ архіереяхъ, ему подвластныхъ. Поэтому, неудивительно, если встрѣчаемъ очень рѣшительное свидѣтельство, что симонія въ сильнѣйшей степени господствовала въ церкви константинопольской при Митрофанѣ. Составленный не по волѣ самой церкви, Митрофанъ, повидимому, во время своего управленія дѣйствовалъ самовластно, не давая мѣста соборному началу; по крайней мѣрѣ, такъ, кажется, нужно понимать замѣчаніе одного источника, что при Митрофанѣ, кромѣ Кантакузина, управляли церковію клирики, а не архіереи или Синодъ подъ руководствомъ патріарха. Неизвѣстно почему (вѣроятно же всего потому, что не желалъ стѣснять себя монастырскими порядками) Митрофанъ покинулъ и патріаршую резиденцію—монастырь Всеблаженной и сталъ проживать въ пригородной мѣстности подъ именемъ Святой Пятницы ¹⁾, откуда онъ былъ родомъ. Есть извѣстіе, что Митрофанъ былъ богатъ. На его богатство нужно смотрѣть, какъ на результатъ злоупотребленій съ его стороны патріаршею властію, такъ какъ Митрофанъ происходилъ отъ небогатыхъ родителей и не могъ имѣть собственнаго имущества ²⁾. Впослѣдствіи Митрофанъ былъ лишенъ патріаршества, по волѣ тогоже Кантакузина, который помогалъ ему добиться престола. Почему Митрофанъ лишенъ былъ каедръ—относительно этого вопроса дошли до насъ не одинаковыя извѣстія: по однимъ (Иерооіей Монемавас.) онъ изгнанъ былъ Кантакузиномъ вслѣдствіе тѣхъ соблазновъ, какіе возбуждало его управленіе, а по увѣренію самого Митрофана, онъ сдѣлался жертвою Кантакузинова корыстолюбія, которому не въ состояніи былъ наконецъ удовлетворять патріархъ ³⁾. Вѣроятно же всего, что Кантакузину пришло на мысль передать ее лицу, которое ему было болѣе любо.

Преемникомъ Митрофана былъ извѣстный Іеремія II. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ возведенъ былъ въ патріархи по домогательству Кантакузина же, который однакожь доставилъ ему патріаршую каедрю не по-

¹⁾ А не при храмѣ Хризопиги, какъ иногда утверждаютъ (проф: Малышевскаго. Мелетій, 22). Храмъ Хризопиги былъ въ Галатѣ, а не за городомъ.

²⁾ *Δωροθέου*, σελ. 446. 448 (*Σάθα. Παράρτημα*, σελ. 6. 9). Gerlach, s. 459. *Γεδεών* σελ. 516.

³⁾ *Δωροθέου*, σελ. 448 (*Σάθα*, 9); Gerlach. s. 247.

тому, что онъ отличался многими достоинствами, а потому что онъ былъ землякъ Кантакузину: оба они были родомъ изъ Анхіала ¹⁾. Правленіе Іереміи относится къ числу тревожныхъ и безпокойныхъ. Въ этомъ впрочемъ не онъ виновать, а различные недостойные искатели патриаршаго престола, которымъ не разъ удавалось навремя занять каѳедру патриаршую, произведя такимъ образомъ нестроенія и безпорядки. Прежде всего много причинялъ безпокойства Іереміи отставленный патриархъ Митрофанъ. Чтобы дать возможность Митрофану получать нѣкоторые доходы, ему предоставлены были въ управленіе двѣ епархіи ларисская и хіосская, но Митрофанъ не хотѣлъ цѣнить этой милости: право управленія одной изъ нихъ онъ передалъ за тысячу дукатовъ, оставивъ за собою лишь хіосскую митрополию. Но не удовлетворившись этимъ самовольнымъ поступкомъ, онъ велъ постоянныя интриги противъ Іереміи, домогаясь снова патриаршей каѳедры. Оставаясь въ Константинополѣ, онъ искалъ всѣхъ случаевъ добиться аудіенціи у самого султана и обвинить въ чемъ нибудь Іеремію; въ числѣ клеветовъ Митрофана видимъ даже и султанскаго врача, жидъ по происхожденію и религіи, который не переставалъ напѣвать султану: „Митрофанъ снова долженъ быть патриархомъ“. Но всѣ его усилія пропадали даромъ, пока живъ былъ Михаилъ Кантакузинъ, благосклонно относившійся къ Іереміи, какъ къ своему земляку. Но лишь только казненъ былъ Кантакузинъ, какъ Митрофанъ возымѣлъ силу и снова достигъ патриаршества. Іеремія былъ низложенъ. Короткое второе патриаршествованіе Митрофана кажется тѣмъ только и замѣчательно, что, надѣлавъ въ патриархіи много долговъ, онъ предъ смертію объявилъ кредиторамъ, что уплату ихъ онъ возлагаетъ на будущаго его преемника ²⁾.

По смерти Митрофана Іеремія вторично занимаетъ Константинопольскую каѳедру. Но его вторичное управленіе церковію вызываетъ цѣлый рядъ интригъ со стороны нѣкоторыхъ честолюбцевъ-архіереевъ, вслѣдствіе которыхъ Іереміи потомъ опять приходится покидать патриаршее мѣсто. Во главѣ интригановъ становится племянникъ Митрофана

¹⁾ Gerlach., s. 247.

²⁾ Δωροθήρον, σελ. 448—9 (Σάββα. Παράφρ. 9—10). Gerlach, s. 247—248.

Θεοφιλιοςъ, митрополитъ Филиппопольскій, человекъ наследовавшій отъ своего дяди матеріальныя средства и вздумавшій сдѣлаться его наследникомъ и въ патріаршей власти. Со стороны людей, желавшихъ провести Θεοφιλιоса на патріаршую кафедру начали распространяться разныя клеветы на Іеремію, цѣлю которыхъ было повредить ему въ глазахъ турецкаго правительства. О немъ разглашали, что онъ будто бы врагъ султана и дѣлаетъ нѣкоторыхъ янычаръ монахами, что будто онъ обращаетъ турчанокъ въ христіанство, что будто онъ пишетъ письма къ папѣ измѣнческаго въ отношеніи къ султану содержанія; плели они на Іеремію и многое другое. Но все это хотя ввергало въ опасность Іеремію, однакожь было недостаточно для того, чтобы низринуть его съ патріаршества. Тогда Θεοφιλιосъ рѣшился на другое средство. Онъ вошелъ въ сношеніе съ митрополитомъ кесарійскимъ Пахоміемъ, человекомъ честолюбивымъ и имѣвшимъ хорошія связи въ Портѣ. Между Θεοφιλιосомъ и Пахоміемъ былъ заключенъ какой то странный договоръ: Θεοφιλιосъ долженъ былъ дать денегъ Пахомію съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній при ихъ содѣйствіи могъ получить патріаршую кафедру, но не съ тѣмъ, чтобы занять ее, а съ тѣмъ, чтобы предоставить ее въ распоряженіе Θεοφιλιоса, удовлетворившись филиппопольской митрополіей, какую уступалъ ему теперешній филиппопольскій митрополитъ. Деньги Θεοφιλιоса возымѣли силу. Султанъ приказалъ объявить Пахоміа патріархомъ вмѣсто Іереміа. Пахомій безъ всякаго церковнаго избранія и утвержденія занялъ патріаршій престолъ. А Іеремія былъ сосланъ въ Родосъ. Въ церкви Константинопольской поднялись смятенія. Пахомія не хотѣли признавать патріархомъ. Къ этимъ нестроеніямъ присоединились еще интриги Θεοφιλιоса. Онъ обманулся въ расчетахъ на Пахоміа. Занявъ патріаршую кафедру, послѣдній повидимому совсѣмъ не думалъ расставаться съ ней, какъ было условлено съ митрополитомъ филиппопольскимъ. Такое обстоятельство побудило Θεοφιλιоса употребить всѣ мѣры для низложенія Пахоміа. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что въ церкви почти не было лицъ, которыя бы поддерживали самозваннаго патріарха. Пахомій послѣ кратковременнаго патріаршествованія былъ низложенъ съ престола. Мало того, что былъ низверженъ, надъ нимъ

еще жестоко надсмѣялись. Главный участникъ интригъ Θεοφιλιτῆς и его клирики заковали низверженнаго патріарха въ двѣ цѣпи, собрался народъ смотрѣть на это зрѣлище и сталъ узникъ игрушкой и посмѣшищемъ для него ¹⁾).

Пахомій былъ низвергнутъ, но не для того, чтобы очистить мѣсто для законнаго патріарха Іереміа, находившагося въ заточеніи въ Родосѣ. Партія Θεοφιλιτῆς работала въ интересахъ митрополита филиппопольскаго. Но больше всего и во всякомъ случаѣ больше этой партіи значило то золото, которымъ былъ богатъ наслѣдникъ Митрофана. Онъ не жалѣлъ его ни для подкупа вліятельныхъ лицъ между константинопольскими Греками (наприм., для Константина Кантакузина), ни для султана, и потому его права на патріаршій престолъ оказались значительнѣе, чѣмъ другихъ лицъ и самого Іереміа. Θεοφιλιτῆς дѣлается патріархомъ. Онъ былъ человѣкъ очень жалкій, лишенный какихъ-либо нравственныхъ достоинствъ, а потому все его правленіе проходить въ спорахъ съ лицами, которыя не хотѣли признавать его законнымъ патріархомъ. Порядка въ дѣлахъ церковныхъ не было никакого. Борьба со врагами занимала у Θεοφιλιτῆς все время. Наконецъ Θεοφιλιτῆς, какъ человѣкъ совершенно недостойный, былъ низверженъ съ кафедры. Его правленіе было очень кратковременно. Тогда вызванъ былъ изъ заточенія Іереміа и вступилъ въ третій разъ на патріаршую кафедру. Но возвратившись въ патріаршій городъ Іереміа встрѣтилъ здѣсь великое несчастье: патріархія, т. е. храмъ Всеблаженной, гдѣ до сихъ поръ имѣли резиденцію константинопольскіе патріархи, оказалось, былъ отнятъ у его владѣльцевъ ²⁾). Собственно говоря, этотъ печальный фактъ нельзя причислить къ нестроеніямъ въ патріархіи, это уже положительное злополучіе; къ обзору явленій подобнаго рода теперь и обратимся мы.

Впрочемъ мы не имѣемъ въ виду рассказывать о всѣхъ случаяхъ злополучій патріархіи, остановимся лишь на болѣе замѣчательныхъ. Правленіе церковію одного изъ первыхъ по времени патріарховъ Іоасафа Коккоса протекло среди

¹⁾ Λωροθῆον, σελ. 449—451 (Σάθρα, ibid. 10—13).

²⁾ Λωροθῆον, σελ. 452—453 (Σάθρα, ibid. 14—16). Γεδεών, 528—9.

тяжкихъ несчастій, частію со стороны собственнаго клира, а частію со стороны иновѣрнаго правительства. Константинопольскіе клирики при немъ держали себя безпорядочно и необузданно; соблазны смѣнялись соблазнами; къ нимъ конечно присоединялось и непослушаніе. Все это довело патріарха Іоасафа до крайне болѣзненнаго состоянія. Въ одномъ изъ припадковъ своей болѣзни патріархъ бросился въ колодезь съ цѣлю покончить съ собою. Но о покушеніи его на самоубійство узнали христіане, вытащили его изъ колодца. Оказалось, что онъ былъ на волосъ отъ смерти. Послѣ того, какъ несчастнаго отнесли домой, онъ отданъ былъ на попеченіе врачей, которые приложили всѣ попеченія о возвращеніи ему жизни и здоровья. Патріархъ поправился. Но какъ говорится бѣда никогда не приходитъ одна. Такъ было и съ Іоасафомъ. Въ Константинополѣ въ то время проживалъ одинъ трапезундскій вельможа, протопестіарій Георгій Амируца, переселившійся сюда послѣ паденія Трапезундскаго царства. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, но это не устранило его отъ искушенія. Онъ воспылалъ страстію къ одной находившейся въ плѣну въ Константинополѣ аѣнианкѣ, очень красивой собой. Любовь Амируцы къ аѣнианкѣ была такъ сильна, что трапезундецъ рѣшился разойтись съ своей женой и заключить новый бракъ. Требовалось разрѣшеніе патріарха, но этотъ отнюдь не хотѣлъ давать согласія на незаконное дѣло. Въ этомъ случаѣ Іоасафъ нашелъ себѣ сильную поддержку въ константинопольскомъ великомъ епископѣ, по имени Мануилѣ, который отличался прекраснымъ знаніемъ церковныхъ правилъ и ревностію о сохраненіи ихъ. Но Амируца тоже нашелъ себѣ очень сильнаго помощника. Онъ находился по матери въ родствѣ съ вліятельнымъ придворнымъ пашею. Этотъ паша имѣлъ доступъ къ самому султану. Но и посредство султана не оказало никакого вліянія на мужественнаго іерарха. Тогда паша рѣшился отомстить и патріарху и епископу. Онъ упросилъ султана, чтобы тотъ и другой были примѣрно наказаны за ослушаніе царской волѣ. Патріарха рѣшено было лишить каедръ и изгнать, а для посмѣянія надъ нимъ отрѣзать ему бороду. Услышавъ о томъ, что ему отрѣжутъ бороду, мужественный патріархъ сказалъ: „ради истины и ради соблюденія цер-

ковныхъ законовъ я готовъ жертвовать не только бородой, но и ногами и руками и даже головой“. Патриархъ былъ изгнанъ. Великому епископу Мануилу за послушаніе же приказано было урѣзать носъ. Протоѳестіарій достигъ наконецъ своего. По изгнаніи патриарха, патриаршая кафедра нѣкоторое время была праздною — и онъ воспользовался междупатриаршествомъ для исполненія своихъ желаній, но не долго онъ наслаждался счастьемъ, купленнымъ такой дорогой цѣной. По разсказу лѣтописца, внезапная смерть въ скоромъ времени положила конецъ его жизни ¹⁾. Странно однако же, что разсказъ этотъ относится повѣствователемъ ко временамъ Магомета II. Этотъ султанъ, какъ думается, могъ отважиться на что-либо такое лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.—Злополучіями ознаменованы были правленія нѣкоторыхъ изъ дальнѣйшихъ патриарховъ, наприм. Нифонта II, Іоакима I и Пахомія I. Во время патриаршествованія Нифонта умеръ находившійся въ отставкѣ патриархъ Симеонъ. Онъ былъ человѣкъ богатый и имѣлъ множество движимаго имущества. Повидимому, онъ доживалъ дни свои въ патриаршемъ домѣ. Но, скончавшись, Симеонъ не оставилъ духовнаго завѣщанія. Имущество умершаго оставалось такимъ образомъ въ патриархіи. Но это накликало большую бѣду для Нифонта. Одинъ изъ сыновей вышеупомянутаго нами Георгія Амируцы, кажется, принявшій мусульманство, вмѣшался въ дѣло о имуществѣ, оставшемся послѣ Симеона. Нужно сказать, что онъ былъ человѣкъ гордый и тщеславный и былъ недоволенъ тѣмъ, что хотя патриархъ жилъ недалеко отъ него, однакожъ не выражалъ ему никакихъ знаковъ почтенія и не давалъ ему подарковъ. Этотъ сынъ Амируцы занималъ видный служебный постъ государственнаго казначея. Желая чѣмъ-нибудь досадить Нифонту, онъ началъ доказывать, что имущество Симеона, какъ выморочное, должно поступить въ казну и противозаконно будто бы удерживается патриархіей. Мало того: онъ сталъ преслѣдовать патриаршую свиту и нѣкоторыхъ изъ патриаршихъ клириковъ засадилъ въ тюрьму. Тогда патриархъ счелъ долгомъ доказывать, что имущество Симеона не присвоено патриархіей, но что оно будетъ от-

¹⁾ Histor. Patr., p. 96—100. Γεδεών, 481.

дано законному наслѣднику, Симеонову племяннику, по имени Василию. Въ удостовѣреніе же, что этотъ Василій дѣйствительно племянникъ покойнаго патріарха, Нифонтъ указалъ нѣсколько свидѣтелей. Но злой человѣкъ постарался ослабить значеніе показаній патріарха; онъ сталъ утверждать, что хотя Василій и родственникъ патріарху Симеону, но родственникъ дальній и не имѣетъ права на наслѣдство послѣ этого послѣдняго. Затѣмъ онъ внушилъ тогдашнему султану Баязиту, что патріархъ нашелъ подставнаго наслѣдника Симеону и что такимъ образомъ стремился устранить казну отъ тѣхъ правъ, которыя она будто бы имѣла на спорное имущество. Султанъ разгнѣвался на патріарха и приказалъ изгнать его изъ города, а троемъ свидѣтелямъ въ пользу Василія отсѣчь носы. Впрочемъ патріархъ не былъ лишенъ каѳедры и впослѣдствіи снова занялъ ее, хотя и опять дѣло не обошлось безъ тяжкихъ несчастій для него ¹⁾). Подобное же, по крайней мѣрѣ по своимъ послѣдствіямъ, злополучіе постигло и патріарха Іоакима I. Однажды султанъ Баязитъ прогуливался по улицамъ Константинополя и прибылъ въ мѣстность, называемую Хризокерамъ, здѣсь онъ обратилъ вниманіе на одно зданіе, выдѣлявшееся своей архитектурой изъ ряда прочихъ. Султанъ пожелалъ узнать, что это за зданіе, спросилъ объ этомъ подвернувшихся ему здѣсь священниковъ и старшинъ, и получивъ въ отвѣтъ, что это христіанская церковь, опять спросилъ ихъ: съ чьего разрѣшенія она такъ устроена. Спрашиваемые были простецы и не задумываясь много надъ вопросомъ, прямо объявили, что церковь построена съ разрѣшенія патріарха. Султанъ разгнѣвался на патріарха, который по правиламъ не имѣлъ права давать разрѣшенія на построеніе новыхъ церквей, и повелѣлъ лишить Іоакима каѳедры и изгнать ²⁾). Что касается Пахомія I, то съ нимъ случилось несчастіе другаго рода. Испытывая матеріальныя нужды и видя оскуднѣніе патріаршей казны, Пахомій рѣшился отправиться въ Молдавію и Валахію для сбора пожертвованій. Онъ взялъ съ собою большую свиту, состоящую изъ клириковъ, монаховъ и мірянъ. Въ Молдавіи и

¹⁾ Historia Patriarch., p. 129—131. Cf. p. 135.

²⁾ Hist. Patr. p. 137—138.

Валахіи приняли патріарха съ распростертыми объятіями; надежды его покрыть свои нужды вполне оправдались; онъ собралъ богатые дары. Приспѣло время ѣхать въ обратный путь. Патріархъ со свитою двинулся въ путь. Доѣхалъ благополучно до Силистріи, но здѣсь ожидала его смерть. Одинъ монахъ, по имени Θεодуль, принадлежавшій къ патріаршей свитѣ, отравилъ ядомъ патріарха, изъ устъ его полилась кровь и онъ по нѣкоторомъ времени испустилъ духъ. По замѣчанію лѣтописца, Θεодуль умертвилъ патріарха съ вѣдома и даже по наущенію прочихъ лицъ, сопровождавшихъ Пахомія ¹⁾. Но спрашивается, съ какой цѣлью учинено это ужасное преступленіе? Съ большою вѣроятностью утверждаютъ, что мотивомъ къ убійству послужила алчность: спутники патріарха, видя множество золота, собраннаго имъ въ Молдавіи и Валахіи, пожелали воспользоваться чужимъ богатствомъ и заняли себя ужаснымъ злодѣяніемъ ²⁾. Возмутительное событіе!

Есть историческій разсказъ (онъ находится въ *Historia Patriarchica*), имѣющей цѣлю удостовѣрить, что въ правленіе Іереміи I перкви константинопольской грозила великая бѣда, которая однакожь была устранена благодаря дѣятельности и искусству указаннаго патріарха. Разсказывается такъ: нѣкоторымъ улемамъ и мулламъ захотѣлось достигнуть разрушенія всѣхъ храмовъ христіанскихъ въ Константинополѣ и для этой цѣли они исходатайствовали гдѣ слѣдуетъ фетву, разрѣшавшую совершить это дѣло. Но патріархъ Іеремія заблаговременно узнавъ о готовившемся злополучіи, обратился къ великому визирю, который былъ благорасположенъ къ христіанамъ и который посовѣтовалъ Іереміи явиться въ императорскомъ Диванѣ и дать увѣреніе, что взятіе Константинополя Магометомъ II произошло при такихъ условіяхъ, которыя даютъ христіанамъ всѣ права на мирное и безопасное жительство въ имперіи. Патріархъ такъ и сдѣлалъ. Диванъ удовлетворился показаніями свидѣтелей—Турокъ, выставленныхъ Іереміею для доказательства, что будто Константинополь сдался добровольно, а не былъ взятъ силою. Удовлетворился этими по-

¹⁾ Hist. Patr. p. 150.

²⁾ Матв., I, 623.

казаніями и самъ султанъ, когда ему было доложено это дѣло. Христіанскіе храмы получили безопасность. Султанъ выдалъ грамоту, которая укрѣпляла за христіанами право на владѣніе ихъ церквами. Патріархъ и народъ возблагодарили Бога за избавленіе отъ бѣды. Таковъ въ общихъ чертахъ рассказъ, рассказъ, нужно сказать, очень длинный, изъ котораго мы привели лишь самое существенное.

Повѣствованіе это обыкновенно безо всякихъ колебаній и сомнѣній вносится въ исторію греческой церкви XVI вѣка. Но намъ кажется что оно едва-ли заслуживаетъ того довѣрія, съ которымъ оно передается въ историческихъ сочиненіяхъ. Повѣсть о спасеніи церковей при Іереміи, если мы взвѣсимъ нѣкоторыя подробности ея, не можетъ выдерживать сколько нибудь серьезной критики; на встрѣчу такой критикѣ идутъ и нѣкоторыя соображенія и данныя довольно значительной важности. Разсмотримъ подробности даннаго рассказа. По рассказу, злоумышленіе имѣло своими виновниками улемъ и муллъ, которые, узнавъ изъ книгъ о томъ, что Константинополь взять силою, а не добровольно сдался, рѣшились приложить къ христіанамъ существующія у турокъ постановленія законовъ; они хлопотали фетву, въ которой значилось, что такъ какъ Константинополь взять силою, то христіане не имѣютъ права владѣть своими церквами, которыя должны быть разрушены до основанія. Уже это начало рассказа возбуждаетъ много сомнѣній. Улемы и муллы являются только здѣсь, а въ дальнѣйшемъ рассказѣ они совсѣмъ исчезаютъ. Очевидно, они имѣютъ значеніе прелюдіи (съ чего нибудь да нужно начать интересную повѣсть). Если бы улемы и муллы въ самомъ дѣлѣ предназначали все это дѣло, они, конечно, слѣдили бы за его развитіемъ и имѣли бы всякую возможность дать ему во многомъ другой ходъ и достигнуть другаго окончанія. И вѣроятно-ли, чтобы улемы и муллы только изъ какихъ то таинственныхъ книгъ узнали объ обстоятельствахъ паденія Константинополя, когда на самомъ дѣлѣ это событіе, какъ случившееся сравнительно не очень давно (разсматриваемое нами дѣло при Іереміи относится къ 1537 году) могло хорошо быть извѣстно и какъ оказывается изъ самаго рассказа, еще живы были и современники событія? А главное: ссылка улемъ и муллъ на постановленія ту-

рецкихъ законовъ, если бы въ самомъ дѣлѣ это была ссылка этихъ законниковъ мусульманскихъ, свидѣтельствовала бы, что законники турецкіе не знаютъ своихъ законовъ. По закону, а такимъ у Турокъ былъ коранъ, жители христіанскихъ городовъ, въ случаѣ если они окажутъ сопротивленіе въ войнѣ съ мусульманскими завоевателями, должны быть безпощадно преданы смерти. Между тѣмъ постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь, есть ничто иное, какъ сочиненіе, не имѣющее для себя оправданія въ Коранѣ. Видно, что оно выдуманно самимъ раскащикомъ, да при томъ человѣкомъ неопытнымъ. Кстати укажемъ еще и на то, что по словамъ повѣствователя, фетва (которая иногда впрочемъ здѣсь же называется султанскимъ указомъ) почему то хранилась улемами и мулами нѣкоторое время въ тайнѣ. Почему-же это? Ужъ не потому-ли, чтобы дать патриарху возможность заблаговременно принять мѣры противъ приведенія ея въ исполненіе, какъ видимъ это изъ разсказа? Само собой понятно, что для улемъ и муллъ не было никакого побужденія оставлять безъ дѣйствія фетву, хранить ее почему то въ секретѣ. Но вотъ патриархъ узналъ, что церквамъ грозитъ бѣда. Онъ идетъ къ великому визирю. Великій визирь научастъ патриарха, какъ поступить въ такомъ казусѣ, какъ выпутаться изъ бѣды. Онъ внушаетъ Іереміи заявить въ Диванѣ, что когда Магометъ пошелъ войною на Константинополь, то хотя византійскій императоръ и сопротивлялся сначала завоевателю, но потомъ одумался открылъ ворота города, отдалъ Магомету ключи отъ него и привѣтствовалъ его поклоненіемъ. Патриархъ, по разсказу, очень обрадовался такому совѣту и рѣшился поступить, какъ ему было внушено. Вся эта часть разсказа о свиданіи и бесѣдѣ Іереміи съ визиремъ маловѣроятна. Очень сомнительно, чтобы визирь такъ откровенно шелъ противъ предначинаній улемъ и муллъ. Если бы великій визирь былъ такъ благосклоненъ къ христіанамъ, какъ выходитъ изъ разсказа, то онъ конечно могъ бы предотвратить самое изданіе фетвы. Да и есть ли какой либо смыслъ въ томъ совѣтѣ, какой даетъ визирь патриарху? Визирь совѣтуетъ патриарху только то, что и самому Іереміи конечно должно было приходиться въ голову. Главнѣйшій вопросъ былъ въ томъ, какъ сдѣлать, чтобы какія бы то

ни было увѣренія патріарха - возымѣли силу? Между тѣмъ касательно этого вопроса визирь не даетъ патріарху никакихъ указаній. Разскащикъ далѣе ведетъ Іеремію въ императорскій Диванъ и заставляетъ его дѣлать то, что внушилъ ему будто бы визирь. Когда патріархъ явился въ Диванъ, то великій визирь заявилъ, что греческая церковь по султанскому опредѣленію лишается своихъ храмовъ въ столицѣ и другихъ городахъ, которые прежде принадлежали къ византійской имперіи. Предполагается, что города оказали сопротивленіе завоевателю Магомету и за свою продерзость должны теперь нести наказаніе. Патріархъ на это сказалъ то самое, что внушалъ ему по разсказу самъ же великій визирь. Тогда визирь спросилъ: есть-ли у васъ свидѣтели изъ числа мусульманъ, которые подтвердили бы твои слова? Патріархъ сказалъ, что у него есть такіе свидѣтели. Визирь замѣтилъ на это: приходите завтра сюда же и мы сообщимъ вамъ дальнѣйшія распоряженія султана. Въ этомъ отрывкѣ изъ разсказа обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: визирь говоритъ о томъ, что христіанамъ грозитъ опасность лишенія храмовъ, а между тѣмъ въ фетвѣ говорилось, по разсказу, не объ этомъ только, а о полномъ ихъ разрушеніи и истребленіи — противорѣчіе; далѣе на вопросъ визиря: есть ли нужные свидѣтели у патріарха, этотъ послѣдній безъ всякаго колебанія отвѣчалъ: „есть“, какъ будто онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что безъ труда можно найти свидѣтелей такого событія, какого совсѣмъ не происходило. Такая увѣренность въ дѣлѣ сомнительномъ и даже чрезвычайно опасномъ — бываетъ только въ сказкахъ. Но послѣдуемъ далѣе за разсказчикомъ. На другой день патріархъ снова является въ Диванъ и на этотъ разъ въ сопровожденіи (легко сказать!) всѣхъ христіанъ Стамбула и Галаты. Визирь при этомъ объявляетъ патріарху, что султанъ согласенъ, чтобы этотъ послѣдній представилъ свидѣтелей. Выходитъ дѣло очень простымъ: и султанъ, какъ и визирь, — на все согласенъ, что можетъ клониться къ пользѣ христіанъ и личному самообману самыхъ высшихъ правительственныхъ особъ имперіи. Патріархъ въ отвѣтъ на заявленіе великаго визиря говоритъ, что свидѣтели его проживаютъ въ Адрианополѣ и что требуется 20-дневный срокъ, чтобы ихъ привести въ

столицу. Визирь даетъ требуемый срокъ, почему то на этотъ разъ не нуждаясь въ положительномъ или отрицательномъ опредѣленіи султана на этотъ счетъ. Но спрашивается: почему патриархъ не ищетъ свидѣтелей въ Константинополѣ? Почему онъ увѣренъ, что таковыя непременно есть въ Адрианополѣ? Развѣ Адрианополь былъ какимъ то резервомъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей? Чѣмъ руководился патриархъ, выговаривая себѣ срокъ круглымъ числомъ въ 20 дней? Все вопросы не удобообразимыя. Изъ дальнѣйшаго разсказа выходитъ, что неизвѣстно почему патриархъ облюбовалъ Адрианополь и почему назначилъ срокъ въ 20 дней, такъ какъ послы патриарха искали нужныхъ людей въ Адрианополѣ, какъ показываетъ далѣе разскащикъ, наугадъ, но имѣя въ виду опредѣленныхъ личностей. Но вотъ достовѣрные лжесвидѣтели отысканы, задарены и приведены въ Константинополь, само собою понятно, что они должны были оказаться столѣтними старцами. Но прежде чѣмъ представили отысканныхъ свидѣтелей въ Диванъ, патриархъ напередъ отводитъ ихъ къ великому визирю. Визирь, конечно, отлично знаетъ, что это достовѣрные лжесвидѣтели, а потому даетъ имъ двоякаго рода совѣтъ: во первыхъ чтобы они въ Диванѣ говорили, чему научить ихъ патриархъ, и во вторыхъ, что бы они ничего не боялись, не опасались никакихъ печальныхъ для себя послѣдствій. Какъ видимъ, сказочный элементъ не убавляется. Наконецъ патриархъ и его свидѣтели появляются на торжественномъ засѣданіи Дивана. Иеремія заявляетъ, что свидѣтелей онъ пашель и привелъ и при этомъ, обращаясь къ великому визирю, совершенно къ мѣсту, по разсказу, замѣчаетъ: „ни противъ султана, ни противъ тебя я ни въ чемъ не солгу“. Затѣмъ разскащикъ описываетъ свидѣтелей, каковы они были. Они были дряхлы и тряслись отъ старости, бороды ихъ были точно снѣгъ, глаза слезились. Разскащикъ не обладалъ большою фантазіей и изобрѣтательностію, и потому эти люди у него вышли, какъ двѣ капли воды, похожи одинъ на другаго, чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности не бываетъ; но вѣдь разскащикъ не о дѣйствительности и рѣчь ведетъ. Мало того, оказалось по разсказу, что свидѣтелямъ ровнехонько было по сту два года и они одинаково служили, во время паденія Константино-

поля—въ янычарахъ. Правда, по словамъ рассказчика, свидѣтелей представлено было только двое—Мустафа и Пиръ, — но и между двумя лицами такое поразительное сходство въ столь многихъ отношеніяхъ—носить явную печать легендарности. Императорскій Диванъ пожелалъ выслушать показанія Мустафы и Пира. Они произнесли какую-то странную рацію, которая должна была бы поразить своею вздорностью и пелѣпостью даже и такихъ невѣжественныхъ слушателей, какъ Турки. Однакожь, по рассказу, она произвела какъ разъ то впечатлѣніе, какое требовалось. Дальнѣйшій ходъ дѣла изложенъ въ повѣсти очень кратко. Обо всемъ, что происходило въ Диванѣ великимъ визиремъ доложено было султану Сулейману, который будто бы чрезвычайно удивился происшедшему. Затѣмъ тотъ же султанъ выдалъ опредѣленіе, которымъ патриарху давалось право владѣть церквами и безо всякаго препятствія жить христіанамъ согласно ихъ исповѣданію до скончанія міра. Получивъ грамоту, патриархъ бережно положилъ её въ патриаршій скевофилакій. Всенародная христіанская молитва заканчивается благопріятный исходъ дѣла ¹⁾). Молитва впрочемъ едва-ли была тутъ умѣстна, такъ какъ все дѣло велось, по смыслу рассказа, путемъ обмана, лжи, и не соотвѣтствовало элементарнымъ христіанскимъ требованіямъ.

Мы отвергаемъ разсматриваемый рассказъ какъ недостовѣрный. Содержаніе его, какъ мы видѣли, не таковое, чтобы считать его за повѣствованіе о дѣйствительномъ происшествіи. Рассказъ этотъ записанъ греческимъ писателемъ Мануиломъ Малаксомъ второй половины XVI вѣка и вставленъ имъ въ историческое произведеніе Дамаскина Студита ²⁾). Значитъ, его не было въ болѣе серьезномъ и компетентномъ трудѣ этого послѣдняго, т. е. Дамаскина. Непонятно, какимъ образомъ могъ не знать этого знаменательнаго событія Дамаскинъ, писатель многосторонній и многосвѣдущій, или же пропустить его, если бы онъ зналъ о томъ же событіи? Ни словомъ не упоминаютъ о событіи и другіе болѣе

¹⁾ Рассказъ, какъ мы сказали, помѣщается въ *Historia Patriarchica*, p. 158—169.

²⁾ См. объ этомъ въ „Обзорѣ источниковъ“—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ *Historia Patriarchica*.

древніе греческіе историки—Героеей монемвасійскій и Кигала кипрскій. Разсказъ такимъ образомъ имѣетъ за собою очень малую авторитетность. Очень возможно, что онъ возникъ въ Константинополѣ для возвеличенія патріархіи, имѣя въ своей основѣ другое дѣйствительное происшествіе, случившееся при томъ же Іереміи I, но переименованное и перетолкованное потомками, и принявшее совершенно легендарный характеръ. При Іереміи I имѣлъ мѣсто слѣдующій печальный случай: во время его путешествія по Валахія произошла пожаръ въ томъ домѣ или гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, при чемъ у него сгорѣла шкатулка (*κατούρα*) и нѣкоторыя грамоты, касающіяся церкви (*ἄλλοι ὄρισμοὶ τῆς ἐκκλησίας*), по разсказу Героеея монемвасійскаго ¹⁾. По разсужденію же Мануила Гедеоны, это значить, что у патріарха погорѣли султанскіе, касающіеся патріархіи, фирманы (гатты) и бэраты ²⁾. Безъ этихъ фирмановъ и бэратовъ оставаться было невозможно. Поэтому, очень естественно, что по возвращеніи въ Константинополь, Іеремія первымъ дѣломъ озаботился тѣмъ, чтобы правительство выдало ему новыя грамоты взамѣнъ сгорѣвшихъ съ тѣмъ именно содержаніемъ, какое находилось въ прежнихъ. Если смерть одного султана и вступленіе на престолъ другаго влекло за собою то, что патріархъ константинопольскій долженъ былъ выхлопатывать себѣ новый бэратъ ³⁾, то тѣмъ болѣе такой случай, какъ истребленіе императорскихъ грамотъ пожаромъ, должно было вынудить патріарха приняться за хлопоты о возстановленіи и возобновленіи нужныхъ грамотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что хлопоты Іереміи I о возстановленіи и возобновленіи сгорѣвшихъ грамотъ, между которыми могъ быть и знаменитый фирманъ Магомета II на имя патріарха Геннадія—стоили не дешево—и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Возможно, что печальный случай поднялъ толки среди улемовъ и муллъ, что хорошо бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ къ сокращенію правъ христіанъ; несомнѣнно также, что Іереміи пришлось не разъ совѣщаться по указанному дѣлу съ великимъ визиремъ;

¹⁾ Δωροθέου, σελ. 445. (Σάβα. Παράρτ., 4).

²⁾ Γεδεών, σελ. 505.

³⁾ Histor. Patriarch., p. 200.

приходилось ему дѣлать разные визиты пашамъ, членамъ дивана, закупать деньгами кого нужно было; самъ султанъ конечно освѣдомленъ былъ объ этомъ дѣлѣ, вѣроятно же всего чрезъ визиря. Хлопоты Іереміи увѣнчались успѣхомъ, фирманы и бѣратъ были вновь изготовлены, по волѣ Порты; документы эти для должнаго сбереженія весьма вѣроятно положены Іереміей въ скевофилакій патріаршій. За успѣшное окончаніе дѣла патріархъ и христіанскій народъ возблагодарили Бога совокупными молитвами. Словомъ при стараніяхъ Іереміи о возстановленіи и возобновленіи грамотъ, истребленныхъ пожаромъ имѣло мѣсто очень многое изъ того, что рассказано авторомъ *Historia Patriarchic.*, по поводу того легендарнаго событія, сущность котораго была изложена и разсмотрѣна нами выше. Но конечно, когда происходило возобновленіе погорѣвшихъ грамотъ Іереміею I, то не издавалась сказочная фетва съ страннымъ содержаніемъ, не снаряжалась экспедиція для добычи достовѣрныхъ лжесвидѣтелей въ Адрианополѣ, не происходило и появленіе ихъ въ Диванѣ, не имѣла мѣста здѣсь и ихъ пустая болтовня, вообще не было и слѣдовъ той комедіи, какую съ такимъ искусствомъ, по разсказу Мануила Малакса, играли при этомъ патріархъ, великій визирь и самъ султанъ. Замѣчательно, что Мануиль Малаксъ, хотя и составилъ свою пресловутую повѣсть, однако-же ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что съ Іереміей I случилось такое несчастіе, какъ истребленіе пожаромъ высочайшихъ грамотъ. Мы не сомнѣваемся, что это—дѣйствительное событіе съ его дѣйствительными историческими обстоятельствами и превратилось въ его воображеніи въ легендарное происшествіе, о какомъ онъ разсказываетъ со сказочными подробностями, на какія онъ очевидно былъ щедръ. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что такой критическій писатель, какъ Гедеонъ, не счелъ нужнымъ излагать повѣсть Малакса въ своихъ *Πίνακες*, ограничившись только краткимъ указаніемъ на ея результаты, т. е. на то, что султанъ Сулейманъ подтвердилъ свободу христіанскаго богослуженія для Грековъ ¹⁾).

Итакъ мы находимъ, что въ правленіе Іереміи I произошелъ печальный случай истребленія огнемъ важныхъ грамотъ, что этотъ случай причинилъ много огорченій и хло-

¹⁾ Σελ. 503.

потъ патриарху, но что, благодаря дѣятельности Іереміи и помощи отъ Бога—печальный случай не имѣлъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій въ жизни греческой церкви.

Истинно-великое несчастье перенесла Константинопольская патриархія въ правленіе Іереміи II. При немъ турецкимъ правительствомъ отнята была у патриарховъ ихъ резиденція въ столицѣ—прекрасная обитель въ честь Всеблаженной. Іерооѳей монемвасійскій говоритъ о томъ, какъ произошло это, но не разъясняетъ всѣхъ подробностей. Настало время, когда Іеремія, по интригамъ враговъ изъ числа его же собратій, сосланъ былъ въ заточеніе въ Родось. Церковію правилъ Θεοφιльтъ, котораго едва-ли можно назвать законнымъ патриархомъ и правилъ такъ, что онъ предназначенъ былъ къ низверженію. Въ патриархіи былъ намѣстникомъ архидіаконъ Никифоръ, человекъ достойный, но лишенный авторитета. При такихъ обстоятельствахъ какой то беглербергъ рѣшилъ отнять патриархію у Грековъ. Онъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ партіей Θεοφιлта. Очень возможно, что эта партія, видя паденіе своего главы, хотѣла хоть чѣмъ нибудь отомстить церкви Константинопольской за свои неудачи. Іеремія былъ въ ссылкѣ, архидіаконъ Никифоръ не имѣлъ авторитета—этими и другимъ обстоятельствами воспользовалась Порта, чтобы отнять у патриарховъ ихъ давнишнюю резиденцію. Іерооѳей думаетъ, что Константинопольская іерархія въ этомъ случаѣ понесла должную кару отъ Бога за свои злохудожества и на этотъ разъ съ нимъ отчасти нельзя не согласиться ¹⁾). Призванный снова къ управленію церковію, Іеремія II уже засталъ обитель Всеблаженной обращенною въ мечеть и горько плакалъ по поводу такого несчастья. Гдѣ было преклонить ему голову? Къ счастью, онъ нашель себѣ прибѣжище въ валашскомъ сералѣ. Это была не гостинница, какъ иногда думаютъ, это—дворецъ валашскихъ господарей, которые останавливались въ немъ во время пребыванія въ столицѣ; здѣсь была и церковь. Нужно думать, что патриархъ занялъ этотъ дворецъ съ разрѣшенія его владѣльцевъ ²⁾). Убѣжище это, думаемъ, было удовлетворительно для патриарха. Одно было въ немъ важное неудобство: оно было чужое—и нужно было создавать свое.

А. Лебедевъ.

¹⁾ *Αεροθέου, σελ. 453 (Σάβα. Παράστ, 16).*

²⁾ *Αεροθέου, тамъ-же. Γεδεών, χρονικά τοῦ πατριάρχ. δίκου. σελ. 69—72.*

ЧТО ТАКОЕ РАСКОЛЬНИЧІЙ ВРАКЪ *).

(По поводу недавняго процесса о двоеженствѣ раскольника, обратившагося въ православіе).

Во второй половинѣ своей рѣчи г. Кони затрогиваетъ еще болѣе важный и интересный вопросъ: какъ относится православная церковь къ бракамъ иновѣрцевъ и въ частности раскольниковъ, когда оба иновѣрные супруга или одинъ изъ нихъ обращаются къ православной церкви? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ читаемъ слѣдующія разсужденія: „Въ 1-мъ посланіи къ Коринейнамъ (VII, 12—13 и 14) Ап. Павелъ говоритъ: аще который братъ жену имать невѣрну и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще имать мужа невѣрна и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ и жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечисти были бы. Утверждаясь на этихъ словахъ Апостола Св. Іоаннъ Златоустъ въ 19-й бесѣдѣ своей говоритъ: жену имѣя не вѣрну званъ былъ еси, вѣры ради не изгоняй жену. Наконецъ VI-й Всел. Соборъ торжественно призналъ силу и правильность брака заключеннаго до вступленія въ церковь одного изъ супруговъ постановивъ въ 72 правилѣ: аще нѣщии невѣрнии суще законнымъ бракомъ совокупившеся и потомъ мужъ убо не вѣрный приступитъ къ вѣрѣ, жена же еще лестію одержима есть и аще волитъ жити съ вѣрнымъ мужемъ да не разлучаются.—Именно на этомъ широкомъ, терпимомъ и проникнутомъ надеждою на духовное просвѣтленіе невѣрующаго взглядѣ церкви и основаны, очевидно, соображенія, легшія въ основаніе законовъ о бракахъ лицъ новокрещенныхъ,

*) Окончаніе. См. Февр. книжку.